

III РОЗДІЛ**ФІЛОСОФІЯ, СОЦІОЛОГІЯ, ПЕДАГОГІКА, ПСИХОЛОГІЯ****В. І. ВОЛОВИК****ИСТОЧНИКИ И ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ НАУЧНОГО ПРОЦЕССА**

Всякий процесс как последовательная смена состояний того или иного объекта служит определенной формой его развития. И интересующий нас феномен, то есть научный процесс, не является исключением: он служит выражением научного развития конкретного социального организма – отдельной личности, социальной группы, определенного общества или человечества в целом. А коль это так, то правомерно поставить вопрос: что же служит источником научного развития социального организма и его выражения, то есть научного процесса? Ответ на этот вопрос, очевидно, следует искать среди таких сторон, свойств и признаков социального организма, которые одновременно и взаимно отрицают, исключают и взаимно полагают, обуславливают друг друга, именуемых, как известно, диалектическими противоположностями, отношения между которыми формирует противоречие, выступающие источниками всякого развития, в том числе и интересующего нас научного процесса.

Это находит своё проявление уже при становлении деятельности – способа существования человека как субъекта, который даже на начальном этапе антропогенеза, являясь частью природы, вынужден был противопоставлять себя последней, объекты которой только и могли обеспечить удовлетворение его витальных потребностей, его выживание. Однако в одиночку нашим далеким предкам вряд ли удалось бы выстоять в этом суровом противостоянии, где человека на каждом шагу подстерегали грозные и более сильные противники, что, очевидно, и обусловило необходимость противостоять совместно с себе подобными, положив начало формированию первых коллективных субъектов как ячеек будущего общества. Но данное обстоятельство, умножив силы человека в противостоянии с природой, породило новую пару диалектических противоположностей – человек теперь выступал, с одной стороны, как неотъемлемая часть зародившегося общественного организма, имеющего определенные потребности, а с другой стороны, как индивид со своими потребностями, интересами, которые не всегда и не во всем совпадали с потребностями и интересами общества. То есть теперь он предстал в качестве субъекта не только по отношению к природе, но и по отношению к обществу, неотъемлемой частью которого был, к принадлежащим ему объектам.

Вовлекая в сферу своей деятельности те или иные природные либо социальные объекты, человек тем самым формирует потребность предвидеть желаемый для себя результат. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость добычи определенных знаний о нем. Противоречие между потребностью в овладении знаниями о вовлекаемых в сферу деятельности человека природных и социальных объектах и возможностью ее удовлетворения служит источником становления и развития процесса познания. Источник и субъекты, чья деятельность нацелена на преодоление указанного противоречия, образуют движущие силы процесса познания и процесса научного познания как его составляющей части, структурного элемента. Процесс начного познания является также структурным элементом научного процесса. Однако, понятия «процесс познания» и «научный процесс» не являются синонимами: включая в себя указанный общий элемент, они образуют в то же время различные системы, развитие которых характеризуется наличием различия в источниках и движущих силах.

О чем идет речь? Дело в том, что научный процесс, принадлежа к числу системных образований, характеризуется сложной структурой, наличием ряда взаимосвязанных частей, которые выполняют различные функции: образующих, выступающих таким

образом в качестве исходного пункта процесса, его следствий либо условий, которые обеспечивают превращение исходного пункта в следствие. Говоря об исходном пункте научного процесса, мы связываем его с процессом деятельности, направленной на получение знаний об объектах природы и социальных объектах. Источником его, как отмечалось, служит ранее обозначенное противоречие между потребностью субъекта в знаниях о вовлекаемых им в сферу своей деятельности объектах и возможностью их получения. Однако возникает вопрос: всегда ли процесс деятельности, направленной на получение знаний об объектах, можно рассматривать в качестве исходного пункта научного процесса? Ответ на него однозначный: далеко не всегда.

Как отмечают исследователи, «первые признаки социальности обнаруживаются у первобытного человека в эпоху палеолита, которая началась примерно 2 млн. лет назад и закончилась 10-20 тыс. лет до новой эры. В течение этого огромного периода постепенно затихала биологическая эволюция того существа, которого называют *Homo sapiens* – человек разумный (время его появления не позднее 40 тыс. лет назад) и всё сильнее давала о себе знать социальная эволюция. В течение эпохи палеолита происходит становление первобытнообщинного строя, из которого затем вырастает классовое общество»¹.

Первобытное общество основывалось на хозяйственной деятельности присваивающего типа, когда человек просто использовал богатства природы и ему достаточно было получить самые простейшие знания об объектах природы и социума, необходимые для удовлетворения в основном витальных потребностей, которые добывались в результате непосредственного соприкосновения с ними. То есть он имел дело только с предметами и явлениями, не проникая в их сущность. Однако природные богатства также имеют свои пределы и настало время, когда они уже не могли полной мерой удовлетворять растущие потребности возрастающего числа людей, проживающих на той или иной территории. Люди оказались перед выбором: либо покинуть родные места, могилы предков, перебираясь в иные края, либо думать как обеспечить свои потребности, оставаясь на прежнем месте. Видимо, это обстоятельство и послужило основной причиной неолитической революции, переходу к качественно иному, производственному типу хозяйственной деятельности. Знания об отдельных, хотя и важных сторонах объектов, вовлекаемых в сферу деятельности человека, по-прежнему были необходимы, но теперь их уже было недостаточно: формируются потребность проникновения в их сущность и ее диалектическая противоположность – возможность осуществления этого. Отношение между ними как раз и формирует новое противоречие как источник процесса научного познания, а потребность разрешения возникшего противоречия обуславливает необходимость ранее неизвестного субъекта познания. Эта потребность усиливается по мере того, как становится всё более кардинальным воздействие человека на вовлекаемые в сферу своей деятельности объекты. Вначале процесс проникновения в сущность обуславливается необходимостью удовлетворения конкретных потребностей, непосредственно связанных с тем или иным воздействием человека на вовлекаемый в сферу его деятельности объект. Со временем повторяющиеся результаты проникновения в сущность объектов осмысливаются, естественно, прежде всего группой лиц, имеющих для этого соответствующие способности и возможности, которые образуются по мере разделения труда на умственный и физический.

Таким, по-видимому, протекал процесс зарождения науки в философском лоне и появления первых ученых как субъектов, начинавших двигать научный процесс на этом первом его этапе. К такому выводу нас подводят и рассуждения Аристотеля в его «Метафизике»: «...Ни одного из чувственных восприятий, – говорит великий мыслитель, – мы не считаем мудростью, хотя они и дают важнейшие знания о единичном, но они ни относительно чего не указывают «почему», например почему огонь горяч, а указывают лишь, что он горяч. Естественно поэтому, что тот, кто сверх обычных чувственных восприятий изобрёл какое-то искусство, вызвал у людей удивление не только из-за какой-то пользы его изобретения, но и как человек мудрый и превосходящий других. А после

того как было открыто больше искусств, одни – для удовлетворения необходимых потребностей, другие – для времяпрепровождения, изобретателей последних мы всегда считаем более мудрыми, нежели изобретателей первых, так как их знания были обращены не на получение выгоды. Поэтому, когда все такие искусства были созданы, тогда были приобретены знания не для удовольствия и не для удовлетворения необходимых потребностей, и прежде всего в тех местностях, где люди имели досуг. Поэтому математические искусства были созданы прежде всего в Египте, ибо там было предоставлено жрецам время для досуга»².

Стагирит, соединивший в себе качества философа и ученого-энциклопедиста, придя к заключению, что наука является специфическим родом бытия, обосновал впервые и те основные черты, которыми она должна отличаться: 1) доказательностью – всеобщностью и необходимостью; 2) способностью объяснения и 3) сочетанием единства и наличием степеней подчинения³. Он же впервые предпринимает попытку решения вопроса о классификации наук. «Наибольшее достоинство и наивысшее положение – как отмечает глубоко исследовавший его труды В.Ф.Асмус, – Аристотель отводит наукам «теоретическим» («созерцательным»). Науки эти дают знание начал и причин и поэтому «согласны с философией». Единственная цель теоретических наук – знание само по себе, искомое не ради какой-нибудь практической цели. Однако, будучи отрешенными от практической корысти, теоретические науки составляют условия наук «практических». Предмет этих наук – «практика», деятельность того, кто действует. Теоретические науки обуславливают правильное руководство деятельностью. В свою очередь, практическая деятельность, правильно руководимая, – условие «совершенного производства или творчества. «Творчество» – предмет «творческих» («поэтических»). Творчество в широком смысле – порождение произведения, внешнего по отношению к производящему. И в «практических», и в «творческих» науках познание идёт от следствия к началу»⁴.

Двигаясь этим путем, Аристотель, как справедливо отмечает В.Ф.Асмус, «вынужден был бороться с трудностью, которую для него создавало противоречие между его собственной оценкой научной абстракции, принципа формализации знания и его стремлением преодолеть абстрактность и формализм специфически платоновской теории «форм» («идей»)⁵. И эта борьба, добавим к сказанному, как бы отодвигала на второй план исследование сущности научного бытия науки, – в качестве каковой, на наш взгляд, выступают существенные, устойчивые, повторяющиеся, внутренние, объективные и необходимые связи, присущие окружающим человека объектам природной и социальной реальности, то есть законы, которым они подчиняются в своём становлении и развитии. Ведь именно существование законов обеспечивает сохранение качества, обозначаемого понятием «научное бытие», независимо от различия его проявлений. И, наоборот, утрата сущности, исчезновение законов, которым подчиняются в своём существовании и развитии объекты природной и социальной реальности, вела бы к исчезновению и научного бытия, делая его просто невозможным.

Признание же того факта, что познание и в «практических» и в «творческих» науках идёт от следствия к началу, по сути своей якобы возврату к старому, уже познанному, со временем сослужило службу в ответе на вопрос о том, «каковы те причины и начала, наука о которых есть мудрость», в создании науки о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления, то есть диалектики. Вначале, как известно, на идеалистической основе, законы её открыл Г.Гегель, а затем, критически переработав его метод, К.Маркс и Ф.Энгельс обосновали материалистическую диалектику.

Говоря о диалектике, мы в данном случае имеем в виду мыслительную деятельность, основанную на двух основных принципах – принципе всеобщей связи и принципе развития. Исходя из принципа всеобщей связи, следует вывод о том, что вся доступная нам реальность есть совокупность предметов и явлений, пребывающих в самых разнообразных связях друг с другом. Принцип же развития, вытекающий из того, что

материи присущи абсолютное движение и относительный покой, указывает на то, что она не существует в виде застывшей однообразной массы или сплошного непрерывного течения: она расчленяется на относительно устойчивые системы движения, отдельные предметы и явления, каждому из которых, следовательно, присущи определенные законы.

Понятие «закон» служит в данном случае для обозначения «вещи в себе», то есть, как уже отмечалось, существенной, устойчивой, повторяющейся, внутренней, объективной и необходимой связи, как она существует сама по себе (или «в себе»), в отличие от того, какой она является «для нас», в нашем сознании, что и фиксируется соответствующими понятиями после разделения на ее бытие и ее сознание – «закон объективной диалектики» и «закон субъективной диалектики».

Появление на свет законов субъективной диалектики, знаменуя собой завершение исходного пункта научного процесса, является результатом деятельности таких социальных субъектов как ученые – отдельных индивидов, групп людей, объединенных в соответствующие сообщества, институты, нацеленных на познание и адекватное отражение в сознании не только отдельных сторон, признаков и черт познаваемых объектов, но и присущих им существенных, устойчивых, повторяющихся, внутренних, объективных и необходимых связей, то есть законов.

Однако завершение первого, исходного этапа научного процесса знаменует собой формирование нового противоречия – противоречия между потребностью реализовать полученные знания о законах, которым подчиняются в своем развитии объекты природы и социальные объекты и возможностью удовлетворения указанной потребности. Это противоречие служит источником дальнейшего развития научного процесса, его второго этапа, связанного с практической деятельностью социальных субъектов, опирающихся на знание открытых законов и, по сути дела, являющихся их носителями и реализаторами. Речь идёт об ученых-экспериментаторах, специалистах промышленности, сельского хозяйства, других отраслей экономики, материального и духовного производства, государственных и общественных деятелях, структурах, в которых они объединены. Их важнейшими функциями являются, во-первых, экспериментальная, практическая проверка на истинность открытых законов, а, во-вторых, выявление особенностей их проявления в конкретных условиях, то есть действия в качестве определенных закономерностей. Это важнейший этап научного процесса, практического бытия законов как субъективных образов открывающейся человеку объективно существующей сущности окружающей его природной и социальной реальности, образующих ее предметов и явлений. Однако он, к сожалению, как таковой, сколько – нибудь серьёзному и глубокому философскому анализу ни отечественными, ни зарубежными исследователями ещё не подвергался.

Между тем, на этом этапе развития научного процесса встречается не меньше сложностей, трудностей и неудач, нежели на этапе открытия и обоснования законов. Это связано прежде всего с тем, что открытие того или иного закона будь-то природного, будь-то социального, являясь шагом вперёд по пути познания человеком окружающей его объективной реальности, прогрессом в развитии науки, может по-разному затрагивать интересы различных социальных слоёв и групп при практическом применении. Скажем, открытие древнегреческим учёным Архимедом закона, в соответствии с которым на всякое тело погруженное в жидкость, действует выталкивающая сила, направленная вверх и равная весу вытесненной им жидкости, открывало огромные возможности для подъёма затонувших судов, строительства подводных и надводных кораблей и, естественно, для определения состава сплавов взвешиванием в воде, над чем и бился великий ученый. Однако, это последнее обстоятельство было совсем ни к чему и даже во вред жуликам, которые «химичили» с золотом при изготовлении украшений из него. Или взять те же законы Ньютона. Их открытие явилось важным фактором бурного развития механики, повышения производительности труда за счет внедрения в производство основанных на их применении станков, но именно это вело к вытеснению рабочих, ранее выполнявших те же операции вручную, обрекая их на безработицу, а их семьи - на голодное

существование, вызывая их протест, выражающийся в массовых случаях поломки внедряемых капиталистами станков и оборудования, а следовательно, создавая тормоз на пути продвижения науки в производство. К слову, этот фактор торможения достижений науки в производство, в трудовой процесс, задевая насущные интересы трудящихся, вынужденных менять привычную работу, специальность, испытывать другие неудобства, действует и сейчас. Не был он устранен до конца и при социализме, хотя в условиях господства социалистических форм собственности, планового ведения хозяйства существовало гораздо больше возможностей для смягчения, ослабления негативного воздействия указанного фактора.

Деятельность, направленная на продвижение в общественное сознание и практику открываемых и обосновываемых законов нередко связана с немалыми трудностями, а порой и опасностями для субъектов научного процесса, способствующих его развитию как на первом, так и на втором его этапе. Вот как об этом говорит И.В.Гете устами доктора Фауста в одноименной трагедии:

Что значит знать? Вот, друг мой, в чём вопрос.

На этот счёт у нас не всё в порядке.

Немногих, проникавших в суть вещей

И раскрывавших всем души скрижали,

Сжигали на кострах и распинали,

Как вам известно, с самых давних дней⁶.

За примерами далеко ходить не надо. Вспомним хотя бы яростные атаки церкви на польского астронома, творца учения о гелиоцентрической системе Н.Коперника и развивавшего его гелиоцентрическую космологию итальянского мыслителя Д.Бруно, выдвинувшего концепцию о бесконечности и бесчисленном множестве миров Вселенной, который был обвинен в ереси и сожжен инквизицией в Риме.

Мы сослались на сложности, связанные с деятельностью субъектов научного процесса на этапе продвижения в общественное сознание и практику законов, открытых представителями естественных наук. Но еще большие трудности выпадают на долю тех социальных субъектов, которые рискуют иметь дело с законами общественного развития, опора на которые в социальной практике как-то меняет сложившиеся в обществе общественные отношения. Это коснулось уже Сократа, который, основываясь на убеждении о том, что власть в государстве должна принадлежать «лучшим», то есть нравственным, справедливым и опытным в искусстве управления гражданам, подвергал критике недостатки современной ему афинской демократии. Как известно, в конце концов его заточили в тюрьму, где он вынужден был принять яд. Безрезультатной в этом отношении оказались и попытки ученика Сократа Платона, отец которого происходил из рода последнего афинского царя Кодра, а мать – из рода законодателя Солона, практически реализовать разработанные им идеи о совершенствовании государственного устройства.

Драматичными оказались судьбы Т.Мора, Т.Кампанеллы, Т.Гоббса, Д.Локка, Вольтера и ряда других мыслителей, стремившихся обогатить социально-политическую практику своими теоретическими наработками, в которых предпринимались попытки проникновения в тайны законов общественного развития.

Причиной тому является нежелание представителей властных структур опереться в своей управленческой деятельности на теоретические наработки современных им обществоведов. Ведь, по большому счёту, основная функция государственной власти в каком-либо обществе состоит в обеспечении его оптимального развития. Она объективно вытекает из потребностей каждого общественного организма, удовлетворение которых обуславливает необходимость как знать состояние организма – экономическое, политическое, правовое, нравственное, эстетическое, религиозное, научное, философское его составляющие, так и определить основные детерминанты, направления оптимизации его развития, критически оценивая предлагаемые учеными мысленные модели и делая

свой выбор, призванный стать основой их практического сознания, их политической идеологии, идеологии государственного развития⁷, проявляя себя таким образом правителями-философами. Именно об этом мечтал Платон, считавший, что «ни для государства, ни для граждан не будет конца несчастьям пока владыкой государства не станет племя философов...»⁸. Но для того, чтобы философы смогли выполнять как следует и функции правителей, они должны в своей практической, управленческой деятельности, во-первых, опираться на достижения современной им науки, прежде всего обществоведческой, отбирая наиболее ценные наработки, а во-вторых, проявить волю, необходимую для внедрения теоретических наработок, содержащих обоснование законов, присущих управляемому общественному организму в практику, то есть самим стать субъектами научного процесса на рассматриваемом нами втором этапе его развития.

Это возможно при условии, что интересы представителей властных структур совпадают с потребностями поступательного развития общества. Однако, такое совпадение в обществах, где господствует частная собственность на орудия и средства производства является весьма проблематичным. Как известно, в такого рода обществах властные структуры комплектуются либо представителями класса-собственника, либо зависимыми от него, чаще всего экономически, ставленниками, а сколько-нибудь существенное поступательное развитие общества невозможно без соответствующих изменений в структуре собственности, естественно, ущемляющих интересы класса-собственника. У последнего объективно будет формироваться негативное отношение к теориям, обосновывающим необходимость указанных изменений, их закономерность. Вот почему представители властных структур такого рода обществ всячески сдерживают продвижение достижений передовой обществоведческой научной мысли в практическое общественное сознание, превращение их в руководство к действию, тем более на уровне управления государством, в идеологию государственного строительства.

Это нашло своё яркое проявление в отношении практически всех правительств капиталистических стран к диалектико-материалистическому учению об обществе. Подчеркивая его научную значимость, В.И. Ленин отмечал: «Как Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как ничем не связанные, случайные, «богом созданные» и неизменные, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменяемость видов и преемственность между ними, так и Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, всё равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупность производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс»⁹.

Следуя выводам этой научной социологии, на смену капиталистической формации, исчерпавшей свои возможности, неизбежно должна была прийти новая общественно-экономическая формация, получившая название коммунистической. Естественно, согласиться с такими выводами, а тем более опереться на них в своей практической деятельности, двигаясь по пути реформирования экономического базиса, а за ним и надстройки, что, конечно же, ущемляло интересы класса-собственника, однако гарантировало бы более-менее мирное, эволюционное развитие общества без резкой ломки сложившихся социальных форм, без революционных взрывов, людской крови и многомиллионных человеческих жертв капиталистические правительства добровольно не хотели. Когда же низы, прежде всего до предела обездоленный пролетариат, уже не захотели жить как прежде, а верхи уже не могли управлять по-старому, грянули пролетарские революции – в 1871 году во Франции, а в октябре 1917 года в России.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции возглавившая ее партия большевиков и установившаяся рабоче-крестьянская власть в лице Советов получили, наконец, возможность реализовать потенциал научной социологии. Для того,

чтобы это произошло и социология могла проявить себя в качестве подлинной науки, как мы уже имели возможность об этом писать¹⁰, она должна была, во-первых, обрести самостоятельное существование, а, во-вторых, постоянно подвергаясь философскому анализу, демонстрировать соответствие содержащихся в ней теоретических положений изменяющейся социальной практике. Однако, процесс раздвоения единого был искусственно прерван. Социология была вновь водворена в философское лоно, образовав сложную и ещё до конца не осмысленную форму, получившую название исторического материализма, трактуемого в отечественной обществоведческой литературе как составная часть марксистско-ленинской философии (т.е. один из исторических типов социальной философии) и одновременно общая социологическая теория, наука об общих и специфических законах функционирования и развития общественно-экономической формации¹¹.

Именно борьбой за «чистоту» исторического материализма», как известно, оправдывался отказ его «ортодоксов» признать социологию в качестве самостоятельной науки¹², торможение развития политологии да и других научных дисциплин, таких как генетика, кибернетика, признаваемых буржуазными. Не менее серьёзный ущерб был нанесен и развитию социальной философии, которая, к сожалению, некоторыми авторами и сегодня рассматривается как наука¹³, в то время, как уже отмечалось, философия и наука различаются как по объектам исследования, так и по предметам.

В результате, во-первых, догматизировалась методология науки, прежде всего обществоведческой, а, во-вторых, тормозился процесс постижения сущности изменяющейся социальной реальности, которая естественно, также претерпевала изменения, обуславливая формирование новых законов развития молодого общественного организма. Сегодня, например, с достаточной долей уверенности можно говорить о том, что переходный этап от капитализма к социализму требовал более глубокого подхода к проблеме замены частной формы собственности коллективными формами, поиску меры их оптимального сочетания в период создания экономического базиса социализма. Думается, что в качестве одного из законов, определяющих становление и развитие нового общества на этом этапе его становления и развития, могла бы проявить себя взаимосвязь между обладающими определенной автономией различными формами собственности на средства производства и властью трудящихся установившейся в результате социалистической революции, то есть Советов. Именно это взаимосвязь, как известно, нашла своё проявление в новой экономической политике, теоритические основы которой разработал В.И. Ленин. Для молодого советского общества она носила существенный характер, была именно той объективной и необходимой связью, которая в условиях сохраняющейся угрозы реставрации капитализма силами как внутренней, так и внешней контрреволюции и должна была обеспечить постепенное становление нового базиса общества. К сожалению, в силу причин как объективных, так и субъективных, она не смогла обрести характер повторяющейся и достаточно устойчивой, то есть закона развития советского общества, проявив себя в качестве такового в условиях социалистического строительства в Китае, естественно, с учетом особенностей этой набирающей силы страны.

Сегодня, когда Украина всё сильнее и сильнее ощущает на себе мощные удары кризиса, поразившего капиталистическую экономику, внимание исследователей всё больше обращается к утраченным возможностям социалистического общества, которые так и не смогли реализоваться полной мерой в результате развала СССР²⁴. Это обуславливается не только извечной, традиционной тоской по прошлому, но и необходимостью выбора вектора дальнейшего движения страны, которая, как и другие государства, образовавшиеся на территории бывшего Советского Союза, вот уже более двадцати лет пребывает на перепутье, так и не определившись, как же распорядиться провозглашенной независимостью. Думается, что в этих условиях, хоть и с нашим обычным опозданием, всё же следовало бы задуматься над вопросом: что взять с собой, а

что оставить по дороге. В поисках ответа, естественно, основанного на науке, на знании соответствующих причинно-следственных связей, законов развития общественного организма, а не на эмоциях и низменных страстях, разжигаемых в доверчивых людях разного рода политическими авантюристами, мог бы стать полезным анализ тех существенных связей, которые обуславливали политическое, правовое, нравственное, эстетическое, религиозное, научное и, конечно же, философское бытие, так и не успевших полной мерой раскрыться в качестве законов их оптимального развития. Однако это самостоятельная проблема, которая требует особого исследования.

Мы же, завершая рассмотрение второго этапа научного процесса, сошлёмся на полностью разделяемое нами положение, высказанное В.П.Мельником в его интересной и глубокой монографии, о том, что «необходимость укрепления взаимных связей науки и производства (следует понимать, общественного в широком смысле – авт.) предусматривает непрерывное совершенствование и самой научной деятельности, решения многих жизненных и кардинальных заданий ее развития. Важно обеспечить пропорциональность развития элементов науки как целостного образования, развертывание структур науки, чтобы приращение, расширение знаний о природе и обществе органически соединялось (связывалось) с их практическим использованием, осуществлялись, прежде всего, фундаментальные исследования, которые во взаимосвязи с прикладными исследованиями прокладывают путь к созданию высокоэффективной техники и технологии общественного производства. Особого внимания, безусловно, заслуживают те фундаментальные исследования, первоочередное задание которых – развитие научной картины мира, расширение горизонтов понимания саморазвития природной и социальной действительности. Приобретаемые знания, обычно далекие от утилитарных запросов общества, они составляют, так сказать, наработку на будущее»²⁵.

С будущим в значительной мере связан и третий из важнейших этапов научного процесса, а именно – с сохранением открытых и проверенных практикой законов, присущих объектам природной и социальной реальности, а также передачей знаний о них последующим, вступающим в жизнь поколениям общества. Источником его служит противоречие между потребностью решения новых, всё более сложных проблем, возникающих во взаимоотношениях человека с природой, друг с другом и обществом и возможностью её удовлетворения, неразрывно связанной с использованием ранее накопленных научных знаний, опыта.

Как считает В.И.Даль, слово «опыт» в русском языке обозначает опытку, испытание, пробу, искусь, попытку, изветку, показание другим каких-либо явлений, обнаружение сил природы и действий их¹⁶. Получение опыта неизменно предполагает необходимость оглянуться назад, обратиться к прошлому, вызванную стремлением выяснить, как делали это ранее другие. Ведь среди задач, проблем, которые приходится решать каждому вступающему в жизнь поколению людей, есть немало, если не совсем одинаковых, то, во всяком случае, схожих с теми, которыми приходилось заниматься предшественникам.

На начальных этапах истории человеческого общества накапливаемые знания концентрировались в обычаях – устойчивых, повторяющихся формах деятельности, обладающих несанкционированной нормативностью, хотя и не получивших еще логического обоснования. Обычаи же концентрировали в себе и первые законы, открываемые эмпирическим путем в результате непосредственного восприятия нашими далекими предками объектов природы и социума, связанные в основном с удовлетворением их витальных потребностей, которые существовали в виде аксиом. Субъектами, обеспечивавшими сохранение и передачу последующим поколениям знания, выступали вожди племен, старейшины и жрецы, опираясь на единственный аргумент: придерживаться этого обычая (закона-аксиомы), поступать именно так, а не иначе нужно потому, что так было раньше, было всегда, было обычно. Простотой отличались и формы передачи знаний: чаще всего «из уст в уста».

Пока аксиомы касались связей, возникающих и существующих непосредственно между человеком и вовлекаемыми им в сферу своей деятельности объектами природы и пребывающего на начальной стадии своей истории общества, а также связей между объектами (тигр опасен не только человеку, но и другим зверям, молния может не только человека убить, но и вызвать пожар в лесу и т.д.) указанного аргумента, то есть силы, авторитета обычая было достаточно. Однако, по мере развития человеческой деятельности, тех кардинальных изменений, которым стали подвергаться объекты, знания одних аксиом уже стало недостаточно. Все больше заявляла о себе потребность знать, что собой представляет противостоящий человеку объект, каковы присущие ему не только внешние, но и внутренние связи. Но при этом не были отброшены и аксиомы, чья истинность подтверждалась многолетним опытом.

Благодаря данному обстоятельству аксиомы не только не были забыты, но были положены в основу аксиоматического метода, которым успешно пользовались уже ученые древней Греции – Пифагор, Платон, Аристотель, Евклид и др. Он представляет собой особый способ построения первых научных теорий, когда в основу их клались некоторые исходные положения, то есть аксиомы, из которых все остальные утверждения теории, в том числе и законы, затем выводились чисто логическим путем, посредством доказательства. Только теперь возникла потребность в формировании иного рода субъекта, обеспечивающего, во-первых, сохранение знаний о гораздо большем количестве открываемых законов, которые, к тому же, отличались своей сложностью, а, во-вторых, передачу этих знаний последующим поколениям. Справиться с удовлетворением этой потребности прежние субъекты, опирающиеся на обычай, уже не могли. Развитие научного процесса на этом этапе теперь требовало не только констатации наличия самого закона и провозглашения требования действовать в соответствии с ним, но и объяснения причин его возникновения, обоснования опирающихся на него оптимальных форм деятельности. Повторяясь, становясь устойчивыми, эти формы, со временем обретая несанкционированную нормативность, превращались в традиции. До возникновения письменности решением указанных задач сохранения знаний об открытых законах и их передачи последующим поколениям, опираясь на обычаи и традиции, занимались первые учителя из числа всё тех же старейшин и жрецов, которые проводили занятия со своими учениками индивидуально. Преимущественно индивидуальная форма обучения, как считают исследователи, существовала и в Древней Греции. С появлением же письменности возможности сохранения и передачи научных знаний значительно расширились. К числу субъектов, осуществляющих решение этих задач добавились авторы научных трудов, а со временем и издатели монографий, научных сборников, журналов, учебников и учебных пособий и т.д. Не стоит на месте и педагогическая деятельность, развитие которой характеризуется сочетанием традиций и новаторства.

Так, например, существовавший в период средневековья обычай проведения занятий с небольшими группами учащихся сменила теоретически обоснованная Я.А.Коменским классно-урочная система обучения. Ее характерной особенностью была организация обучения в форме урока, которая, сложившись вначале как новаторская форма, со временем укрепилась в качестве традиции, а затем, после обоснования и подтверждения на практике того факта, что именно благодаря ей обеспечивается наличие существенных, устойчивых, повторяющихся, внутренних, объективных и необходимых связей в системе учитель-ученик, путем принятия соответствующих нормативных документов обрела характер закона¹⁷. Естественно, в юридическом значении слова.

Применяемая и сегодня в школах стран СНГ, в том числе и Украины, классно-урочная система обучения служит формой сохранения и передачи знаний об основных законах и закономерностях, открытых различными отраслями науки, подрастающим поколениям школьного возраста. Расширение и углубление этих знаний продолжается в ВУЗах. Исходя из сказанного, учителя-предметники, научно-педагогические работники средней и высшей школы, педагогические коллективы, органы осуществляющие

руководство образованием в стране, также должны рассматриваться в качестве субъектов третьего этапа научного процесса.

Рассмотренные этапы научного процесса в своей совокупности знаменуют собой своеобразный кругооборот, который совершают в течение определенного промежутка времени (скажем, примерно 30 лет, отделяющих одно поколение от другого) открываемые человеком законы развития познаваемых им объектов природной и социальной реальности, который может быть обозначен понятием *научный цикл*. Завершение каждого научного цикла, в свою очередь, обуславливает обогащение содержания и изменение форм протекания научного процесса, оказывая влияние на его возможности и их реализацию, воплощение в действительность.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Шевченко В.Н. Отношение «общество – человек» как философская проблема // Философия: Учебник. Изд.2-е, испр. и доп. // Под общей ред. Л.Н.Москвичёва. – М.:Изд-во РАГС, 2006. – С.470.
2. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Соч. в четырёх томах. Т.1. Ред.В.Ф.Асмус. – М., «Мысль», 1975 – С.67.
3. См.: Асмус В. Метафизика Аристотеля / Аристотель. Соч. в четырёх томах. Т.1. М., «Мысль», 1975 – С.37.
4. Там же, с.39-40.
5. Там же, с.40.
6. Гёте И.В. Фауст. Трагедия // Гётте И.В. Избранные произведения в 2-х томах. Т.2. – М.:Правда, 1985. – С.147.
7. См. об этом подробнее: Воловик В.І. Політична філософія: Навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів / В.І.Воловик – Запоріжжя: Просвіта, 2012. – С.60-70.
8. Платон. Государство // Платон. Собр. соч. в 4т. Т.3 – М.:Мысль, 1994. – С.282.
9. Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // В.И.Ленин. Полное собрание сочинений. Т.1. – С.139.
10. См.: Воловик В.И. Философия истории. Курс лекцій. Запорожье, «Просвіта», 2004 – с.6-9; Воловик В.І., Лепський М.А., Бутченко Т.І., Краснокутський О.В. Соціальна філософія. Монографія. – Запоріжжя, Просвіта, 2011. – С.16-20.
11. См.: Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983 – С.228.
12. См.: Социология и власть. Документы и материалы. 1953-1968. Под.реакцией проф. Л.Н.Москвичёва. – М.:Academia, 1997.
13. См.: Соціальна філософія: Підручн. для вищ.шк.-Х.-Прапор, 2007 – С.18.
14. См., например, работы: Зиновьев А.А. Русская трагедия. Алгоритм; Москва; 2003, ISBN S699-09305-2; Карамурза С.Г. Советская цивилизация. От начала до Великой Победы. – Харьков: Книжный клуб, 2007; Советская цивилизация. От Великой Победы до краха. – Харьков: Книжный клуб, 2007 и др.
15. Мельник В.П. Філософія. Наука. Техніка: Методолого-світоглядний аналіз // В.П.Мельник: Монографія – Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2010. – С.369.
16. См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т:1-4, - М.: Русский язык, 1978. – Т.2. И-О. 1979 – С.688.
17. См. об этом подробнее: Воловик В.И. Философия педагогики. – Запорожье: Просвіта, 2003 – С.63-87.

SUMMARY

As a consistent change of states of an object every process is a particular form of the development. Considering in the article the phenomenon of scientific process is no exception: it is

a form of the scientific development of concrete social organism – individual, social group, a particular society or mankind in general. In this dimension it is natural to ask the question: what is the source of scientific development of the social organism and its appearance or other words the scientific process? Obviously we should find the answer among those elements, features and characteristics of the social organism which simultaneously and mutually determine, caused deny each other. They are well-known as dialectical opposite sides, relations between which form a contradiction. It is a source of any development, including the scientific process that is interested to us.

It has already appeared on the first stage of anthropogenesis when human activity as the subject mode of human existence only began to development. Other words being part of nature a man entered into opposition to it. Because the natural objects insured the satisfaction of his vital needs, his survival. However a single man would hardly was able to survive in this strict clash when huge and stronger hostiles laid in wait anywhere. It caused necessity for him to cooperate with other individuals to resist together. It this way the first collective entities appeared. They began the cells of the future society. Multiplying the power of man in the confrontation with nature they caused a new pair of dialectical opposites. On the one hand man now acted as an integral part of the social organism with specific needs and, on the other hand, as an individual with their own needs, interests, that did not always correspondent to the needs and interests of society. So now he appeared as a subject not only to nature, but also in relation to society and its objects. At the same time he stayed an integral part of society.

Involving different natural or social facilities in the field of his activity, a man thus creates a need to anticipate the desired result for himself. In turn it causes necessity to search out according knowledge about different natural and social objects.

At the same time the need to get the knowledge of them contradicts the ability to satisfy this need. Its controversial relation is a source of formation and development of the cognitive process. Source and subjects, whose activity aims at overcoming this contradiction, creates the moving forces of the cognitive process and the process of scientific search as its component and structural element.

These phenomena had specific features on different stages of social development. The article aims to discover them.

М.А. ЛЕПСКИЙ

«НАУЧНАЯ ШКОЛА»: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕДМЕТНОГО ПОЛЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ И ДЕФОРМАЦИЯ

Научная школа по определению представляет собой социальный институт передачи традиций и знаний научной деятельности, безусловной ценностью которой является стремление к истине. При этом традиции и знания рассматриваются как основа творчества, осознанного и рационально обоснованного в раскрытии и применении объективно существующих законов и закономерностей. «Истина» как безусловная ценность определяет меру научности школы, ее формирования. Без стремления и приближения к истине школа представляет что угодно, но только не науку, поскольку утрачивается целевая функция, удовлетворяющая социальные потребности общества осознания реальности.

И, в принципе, на этом можно было бы остановиться, определив целевую направленность существования социального института, называемого «научная школа». В этом определении мы бы отметили субъектно-объектный характер познанного в традиции и передаваемого от субъекта-учителя субъекту-ученику знания. Эти атрибуты школы необходимы для определения меры того явления, которое собственно определяется как «научная школа». Но этого оказывается недостаточно. Социальное содержание отношений, существенных для существования и развития школы, значительнее и